

ДАРЬЯ ГАНДИНА, 16 лет, Ангарск

* * *

Поезд близко. Ты слышишь, гремит вдалеке?
Странный звук. Громкий, резкий и злой.
Крепче паспорт сжимаю в замёрзшей руке
И хочу развернуться. Домой.
Первый шаг. На перрон, где толпится народ.
Первый шаг. И осталось чуть-чуть.
Поезд встал, терпеливо отбытия ждёт.
Ты молчишь, он молчит, я молчу.

ЕВГЕНИЯ ГЕРАСИМЧУК, 22 года, Ангарск

ВРАГ

Станислава Лещинска – акушерка из Польши,
Приняла, наверное, родов больше,
Чем целое отделение,
и руками тощими
Отвоёвывала новую жизнь в Освенциме.

В трёх бараках, поеденных злыми крысами,
Ей и женщинам много придется выстрадать,
За бараками ходят шагами быстрыми
Чьи-то тяжёлые берцы.

Вот на голой доске, собираясь с силами,
Мама дочке бормочет: «Прости же, милая,
Если б были не здесь, я тебя защитила бы,
Но иначе сейчас никак.

Мы, наверно, с тобою на небе встретимся,
Щечки пухлые нежным румянцем светятся,
Я люблю тебя, и это не изменится,
Я и ты для народа – враг».

Не успела ещё рассмотреть кровиночку,
Чей-то голос кричит: «Что ж, пойдёте, милочка».
Она думает, ей бы в аорту пилочку,
Но покорно идёт вперёд.

Замотала ребенка, а слёзы капаят:
«Я её так боялась родить в бараках,
И отец её ждал, он хотел быть папою,
Но сегодня она умрёт».

Медсестра представляется: «Фройлен Пфани, –
Забирая ребенка, не дрогнут длани:
Дальше мы разберёмся прекрасно сами!» –
Закрывает тугую дверь.

А малышка недолго и громко плачет,
Ей не светит ни мама, ни даже мячик,
Всё могло бы случиться тогда иначе...
Но чего причитать теперь?

Та, что ей «помогала», зовется Клара,
Им обеим в наказку и ада мало...
«Акушерка у смерти отвоевала,
А они не дают и день! –

И в холодной воде слышен плеск и грохот. –
Моя девочка сделала мало вдохов, –
Снова плачет и молится: Видит Бог-то...
Забери меня вслед за ней».

ИВАН ВОЛОГДИН, 31 год, Вихоревка (Братский район)

СТАЛИНГРАД

Пурга извивалась и пела,
В год страшный – год сорок второй
Ракеты зелёная сфера
Взлетела над стылой водой.

Под рокот немецких моторов,
Под вой миномётных дождей,
Предметом смертельного спора
Стал город меж снежных полей.

Разбитый до самых остовов,
До труб и подвалов одних
Он снова. И снова. И снова!
Встречал обороной чужих.

Шёл фронт через комнаты дома,
(Порою промеж этажей).
За каждой стеной иль опорой
Ждал холод смертельных ночей.

И каждая жертва солдата,
И каждый осколок в крови
Являлись отчаянной платой
За пламя победной зари...

ВЕДЬ КАЖДЫЙ НА ФРОНТ ЗА СВОЁ УХОДИЛ

Ведь каждый на фронт за своё уходил –
За дом и за близких, за тех, кто был мил,
За поле в расцвете весенних цветов,
За то, чтобы дети не знали оков.

Ведь каждый, кто падал – родное шептал.
И каждый, кто пал, знал, за что умирал
Им виделось в грёзах, в предсмертном часу,
До боли родная дорога к крыльцу.

Ведь стёртые планы несбытых надежд
Слагались в единый, наивный сюжет.
И виделось мёртвым – минует война,
И вместе с другими взведут города.

И вместе с другими продолжают свой путь...
Но только земля тяжко давит на грудь,
Но только леса, что на них проросли,
В лазурное небо их стон вознесли...

Живые – вам память хранить довелось,
О времени чёрном, где ярость и злость,
Вздымались могучей, священной волной,
О времени страшном – Второй Мировой.

БЕРЁЗА ПАМЯТИ

ОН: 22 июня выдался такой солнечный хороший день. Только что вернулись с полей. Я напряжённо вслушиваюсь в слова, которые несутся из репродуктора. Вещают: «Война...» Смысл слов не сразу доходит до меня. День уже не кажется таким ярким. Не дожидаясь повестки, записываюсь добровольцем на фронт. Мысль о семье не покидает меня. Что с ними будет? Понимаю, что враг силен, и война быстро не закончится...

Поднимаю сына на руки. Скоро ему исполнится два года. Внимательно смотрю на него, желая запомнить каждую чётточку его лица. Обнимаю свою пятилетнюю дочь, как же крепко она вцепилась своими маленькими ручонками в мой пиджак. Целую заплаканное лицо жены...

Наша колонна уходит из деревни по просёлочной дороге. Оглядываюсь. Околица, берёза, возле нее стоят три маленьких фигурки, взгляд которых я ощущал на себе еще очень долго...

Взрывы, огонь, стрельба, грохот, враг наступает. День иногда похож на ночь. Разрушенные деревни и города вызывают слезы и душевную боль за Родину. Весь ужас происходящего невозможно описать... Но я знаю, за что я воюю. Конечно, за вас – моих самых родных и любимых, за свою землю. А что им, немцам, нужно здесь? Не понимаю.

Порой закрываю глаза и вижу ваши фигуры у берёзы на краю деревни, вспоминаю ваши взгляды. Как я люблю читать письма, которые вы мне прислали. Мечтаю увидеть вас снова...

Я умер 21 августа 1942 года в госпитале после тяжёлого ранения в бою...

Оля, я уже не смогу прожить счастливую, до старости, с тобой жизнь. Не увижу, как выросли наши дети, не узнаю своих внуков. Больше ничего не будет... Война забрала всё...

ОНА: Я смотрю в твои серо-голубые глаза, которые стали почти черными, когда мы слышали, что началась война. Зная твою любовь к Родине, я понимаю, что скоро ты уйдешь на войну. А как мы будем без тебя? Волнения, тревоги, переживания за детей охватывают меня.

Не помню, как я собирала тебя в дорогу, что говорила... В душе была какая-то бездонная пустота...

Подхватив сына на руки, я бегу за колонной, остановилась на краю деревни, возле березы и долго смотрю, как вы уходите вдаль. Как же я тогда плакала, точнее выла, пугая детей.

Мы трудились до изнеможения, работали, работали и работали,

понимая, что победа зависит и от нас. Помогали эвакуированным, растили детей и ждали письма с фронта. Ночами я молилась за тебя...

Похоронка пришла в 1942 году... Время застыло... Я не верю, я не хочу в это верить.

Прошли годы, я вырастила достойных детей. Я часто прихожу к той березе, стоя у которой видела тебя в последний раз. Я все еще жду, что ты вернешься.

СЫН: Я помню, как ты подхватил меня на руки и долго смотрел на меня своими серо-голубыми, такими родными и добрыми глазами. Помню, как плакала мама, как мы ждали и читали твои письма.

Мы, дети войны, у нас не было радостного и счастливого детства. Радостью был кусочек хлеба, сахара, играли мы тоже «в войну».

Я вырос, я уже старше тебя. Подхватываю на руки свою двухгодовалую дочь, она смотрит на меня твоими серо-голубыми глазами. Жизнь продолжается...

Мы всегда помнили тебя и ждали. Мама до самой смерти ходила к той берёзе и, всё вглядываясь вдаль, ждала тебя.

ВНУЧКА: Я помню, как с бабушкой ходила на другой конец деревни к старой, покосившейся берёзке встречать деда Алёшу, по-детски искренне удивлялась этому, ведь я знала, что он погиб на войне.

Прости меня, бабуля, я была маленькая и не понимала, что для тебя это была дорога жизни, ты искренне верила, что твой Алёша может вернуться. Ты прожила свою жизнь за вас двоих. Война перекорёжила и сломала ваши жизни...

Дед, я всегда гордилась тобой, ты был для меня героем.

ПРАВНУК: Мой прадед Веденин Алексей Александрович, 1913-го года рождения, лейтенант, командир стрелкового взвода, награжденный медалью «За Отвагу», захоронен в деревне Мокрое в Московской области.

Для меня война – это самая страшная часть истории, состоящая из ужаса, мрака, боли, страдания, трагизма, смерти, которую надо знать и помнить, и повторения которой больше нельзя допустить.

Мне очень хочется верить, что где-то там, за гранью действительности, после своей смерти встретились у той берёзы мой прадед со своей женой, чтоб прожить вместе свою жизнь, но уже не земную.

ОСЕННИЙ БЛЮЗ

За окном промозглый ветер ломает дождь косым узором, прозрачные капли мокряди сбегают по стеклу. Листья на деревьях под тяжестью воды и порывов ветра обреченно падают на асфальт, укрывая его своей разноцветной пеленой. Я смотрю в окно на эту осеннюю вакханалию и вдруг как-то резко и осязаемо ощущаю глубину значения слова «ГРУСТЬ».

Ну что, Осень, погрустим вместе? Беру саксофон, и мелодия лёгкого блюза разносится по квартире. Музыка увлекает меня: закрываю глаза и представляю, как голосом дождя, шелестом листопада Осень рассказывает, как прекрасна, мудра и совершенна она; сколько разноцветных ярких красок, многоцветных эмоций и чувств дарит людям; какой бывает непредсказуемой и капризной: то одаривая теплом, то забрасывая холодным дождём. Люблю осень за её непередаваемую, щемящую душу, нежность, дрожащую прохладу воздуха, парящую над улицами паутину бабьего лета, за прощальную песню птиц, улетающих стаей на юг, за проблеск солнца в дождевом небе.

Музыка стихла, я доиграл свои мысли. Откуда-то пришла уверенность, что завтра будет солнечная погода, ведь Осень сама сказала, что она непредсказуема.

А за окном, в лёгком вечернем сумраке, под шум дождя и листвы, продолжает одиноко грустить Осень.

КРИСТИНА ПОДГОРОДЕЦКАЯ, 22 года, Ангарск

ВОЛШЕБСТВО

Слепой, дрожащий от холода человек шел по безлюдной улице. Деревянная трость дробно стучала по каменному обледенелому тротуару. Нынешняя ночь выдалась особенно ненастной. Особенно лютой. Особенно гнетущей. Нищий, облаченный в обноски, дошедший до крайней степени отчаяния, поднял голову к небу. Падал снег – безразличный, бесстрастный, отрешенный. Слепец не мог видеть его, но мог хорошо чувствовать. Так же хорошо, как и жгучую боль в совершенно пустом желудке. Как бы он хотел видеть ночь, видеть луну, видеть снег, видеть весь город, кажущийся в оную погоду вымершим и словно неполноценным. Таким же неполноценным, каким себя считал слепой старый нищий.

Уставший старец уже подумывал над тем, где остановиться на ночлег, как вдруг услышал незнакомый голос, зовущий его откуда-то снизу:

– Веришь ли ты в волшебство? – голос эхом отдавался в ушах, буд-

то его обладатель находился в огромном, пустом помещении.

– Совсем не верю, – отозвался нищий. Он давно перестал верить во что-либо, а волшебство ему казалось и вовсе сумасшествием.

– А вот и зря, – хитро ответил голос. Казалось, его обладатель что-то затевал. Что-то подлое и нехорошее. – Хочешь, я тебе докажу?

– Валяй, – безразлично бросил незрячий.

– Я могу вернуть тебе зрение, – многообещающе заверил голос. – Но что ты мне можешь дать взамен?

– Бери, что хочешь. Я на все согласен, – пожал плечами старец. Ему нечего было дать, соответственно, не о чем было жалеть.

– Если тебе нечего дать, то я возьму самое ценное. То, о чем ты даже и подумать не можешь, – невидимый незнакомец заметно повеселел, словно озорной мальчишка, придумавший некую грандиозную пакость. – Зажмури плотнее глаза, а затем открой, и ты увидишь то, что так долго хотел, но не мог узреть.

Нищий послушался и плотнее закрыл глаза. Никаких ощущений, никаких посторонних звуков. Только снег и ветер, вызывающий необузданный табун мурашек, бегущих по телу, словно лошади по просторной поляне.

Секунду спустя он разлепил очи и задохнулся от изумления: он видел скромно освещенную уличными фонарями ночь, он видел снежинки, выплывающие в воздухе хаотичные пируэты, он видел город, который показался ему стерильным – ни людей, ни повозок, ни даже приبلудной кошки.

Нищий, обрадованный и воодушевленный, хотел было сдвинуться с места, но не смог. Скосив глаза вбок, он ощутил, что сердце его замерло, и появившиеся лишь мгновение назад счастливые крылья кто-то жестоко обрезал острыми садовыми ножницами. Он превратился в статую – неподвижную, каменную, бездушную, но прекрасно видящую все. Он хотел кричать, но не смог. Ведь статуи не кричат.

Очень много лет простоял он, наблюдая за тем, как мимо проходят, сменяя друг друга, поколения людей, пробегают поколения кошек, и пролетают поколения вечно голодных сизых голубей.

Когда ты думаешь, что тебе нечего терять, подумай хорошенько, прав ли ты на самом деле?